

3. Дик П.Ф. Взаимодействие этноконфессиональных общностей как способ конструктивного бытия социума / П.Ф. Дик // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: Материалы международной научной конференции к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14–15 апреля 2011 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011. 602 с.

4. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге / М. Хайдеггер: сборник: Пер. с нем. / под ред. А.Л. Доброхотова. Москва: Высшая школа, 1991. 192 с.

УДК 37.014

А.А. Лагунов
A.A. Lagunov

Современная образовательная политика: курс на дегуманитаризацию

Modern educational policy: course on manization

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные с точки зрения автора причины прогрессирующей дегуманитаризации современного образования и делается вывод о том, что важнейшим фактором игнорирования гуманитарной составляющей воспитательно-образовательного процесса является утверждение сциентистской идеологии, пренебрегающей социокультурной традицией.*

***Abstract.** The article discusses the main terms of the author's reasons for progressive manization modern education and business, is the conclusion that the most important factor of ignoring the humanitarian component of upbringing and education process is the adoption of scientific ideology that ignores the social and cultural tradition.*

***Ключевые слова:** образовательная политика, воспитательно-образовательный процесс, дегуманитаризация, социокультурная традиция, сциентизм, идеология, постмодернизм, экранная цивилизация.*

***Keywords:** educational policy, educational and educational process, manization, socio-cultural tradition, scientism, ideology, postmodernism, screen civilization.*

«Некоторые государства уже утратили воспитательную, гуманистическую составляющую образования. Я думаю, что это еще для многих аукнется. Что мы сегодня наблюдаем? Всплеск в некоторых местах, во всяком случае, национализма, утрату семейных, нравственных ценностей, культурных традиций, идентичности. Это добром не заканчивается, как правило».
(В.В. Путин) [1].

Сюжет о необходимости гуманитаризации российского образования вот уже два десятилетия является актуальным в публикациях, посвященных проблематике, связанной с воспитательно-образовательным процессом, укоренился в качестве их «общего места». Невозможно подсчитать, сколько бумаги изведено, и, соответственно, уничтожено лесов для того, чтобы донести до правящих кругов совсем простую мысль: без образования, под которым нужно понимать не только механическую передачу суммы знаний, но и воспитание творческой (значит, самостоятельно мыслящей, способной усвоить эти знания и даже развить их) личности, у государства нет будущего. Однако на практике дегуманитаризация образования набирает темпы (несмотря даже на то, что для высшего руководства очевидна ее разрушительность, и об этом неоднократно заявлялось с самых высоких трибун), чему, по-видимому, есть объективные причины, на которых мы и постараемся акцентировать внимание.

Прежде всего следует отметить причину *конспирологическую*, хотя бы потому, что самые разные источники вспоминают о ней чаще всего. Действительно, некоторые действия властей в области образовательной политики иначе как вражеской диверсией и не назовешь. Однако, как представляется, причина эта скорее надуманная, чем имеющая место в действительности, о чем может свидетельствовать, во-первых, то, что сменяющие друг друга российские правительства с завидным постоянством, не жалея сил и средств, проводят активные реформаторские действия по приведению образовательной системы в соответствие с зарубежными образцами, в итоге деформируя исторически сложившуюся российскую систему образования не с целью ее уничтожения, а во благо, как оно ими понимается. Во-вторых, последние внутри- и внешнеполитические

события, способствовавшие централизации власти и патриотическому сплочению народа, не дают никакого основания предполагать возможность проведения действий, явно идущих вразрез с общей политикой. Ну и, наконец, в-третьих, в странах Запада нарастание процессов дегуманитаризации образования – такая же реальность, как и у нас. Следовательно, причины этого – не особенные, но общие. Хотя, разумеется, достойна рассмотрения та часть конспирологических теорий, которая утверждает о порабощении человечества некими группами, заинтересованными в господстве над миром, проще достигаемом при всеобщем невежестве, но, на наш взгляд, в этом утверждении много фантазий и мало фактов (по крайней мере, пока мало).

Заслуживает внимания версия, в соответствии с которой дегуманитаризация образования есть необходимое следствие качественной трансформации традиционной цивилизации в *цивилизацию «экранную»*. Все же представляется, что в этой версии перепутались причина и следствие. Экранный тип культуры, характеризующийся стремительным сокращением читающей публики и повсеместным распространением «клипового мышления» (чему, кстати, весьма способствуют тестовые и ЕГЭ-инициативы российского правительства), является скорее закономерным *следствием*, а не причиной дегуманитаризации образования. Тип этот, надо заметить, губителен для самой цивилизации, поскольку отсутствие практики чтения ведет к формированию человека, неспособного воображать, самостоятельно рефлексировать, пользующегося заранее заготовленными для него экранными штампами (что, между прочим, косвенно свидетельствует в пользу конспирологической теории порабощения народов). Он способствует тотальной компьютеризации образовательного процесса, в теории, призванной облегчить как преподавательскую, так и управленческую деятельность, на практике же ведущей к их виртуализации, выражающейся в том, что *главным* объектом деятельности становится та или иная *форма отчета, плана, рабочей программы, фонда оценочных средств* и пр., а не *личность* обучаемого, которая за громадой виртуальных фантазмагорий становится совсем не очевидной, да и времени у преподавателя на нее почти не остается.

Весьма хорошо коррелирует с экранным типом культуры *постмодернистский образ мышления*, объективирующийся в так восхваляемом сегодня «компетентностном подходе». Компетентность

стала пониматься как способность к виртуозному скольжению по опасно изменяющейся реальности (постмодернистской «поверхности»), к приспособлению к ней (в отличие от профессионализма, способного задавать и изменять сами условия реальности). Настойчиво внедряются мировоззренческие штампы, *релятивизирующие* действительность, лишаящие ее *объективных оснований* и превращающие в скопище «симулякров», не подчиняющихся даже формальной логике, обвиняемой в логоцентризме. Тем не менее, ошибкой будет считать постмодернистский дискурс (так же как и экранную культуру в целом) причиной дегуманитаризации образования, шире – *хаотизации* общественной жизни: для него это будет слишком большой честью. Скорее, верно обратное: этот дискурс отражает хаос в умах, разруху в головах, потерю жизненных целей и ценностей, что неизбежно при отрицании *социокультурной традиции*. А постмодернистское образование так называемого «постсовременного» социума, понижая статус всякого культурного феномена до относительного нарратива, стремится возвести новое благолепное здание без фундамента, этим-то оно и опасно.

Таким образом, конспирологическая причина дегуманитаризации образования не представляется достаточно обоснованной, а экранный тип культуры и постмодернистский образ мышления являются скорее *следствиями*, чем причинами этой дегуманитаризации, истоки которой, как становится ясно, следует искать глубже, в социально-историческом процессе.

Курс на дегуманитаризацию, ставший одним из основных трендов современной образовательной политики, предполагает постепенное вымывание гуманитарной составляющей из воспитательно-образовательного процесса, т.е. *сокращение блока гуманитарных дисциплин*. Последние в установившихся представлениях противопоставляются дисциплинам естественнонаучным, начало же этого противоположения мы находим еще в картезианской философии, использовавшей определенную дуалистическую логику мышления: поскольку мир обусловлен двумя субстанциями (материальной и духовной), по определению независимыми друг от друга, то и исследовать его должны две независимые группы наук – науки о природе (естественные) и науки о духе. Однако с последующим развитием материалистического мировоззрения науки о духи стали вначале науками о культуре, и позже – науками о человеке и обществе (гуманитарными, или социо-гуманитарными), причем мето-

логия гуманитарных наук была почти забыта и заменена *методологией наук естественных*, что, в общем-то, является философски незаконной подменой, поскольку, как известно, метод должен соответствовать своему *предмету*, а изначально, в декартовой интерпретации, предметы у групп наук были совершенно различными. Как результат – потеря гуманитарными дисциплинами своей самостоятельности, своего предмета (психология, например, сегодня вообще не изучает душу человека, к чему была когда-то призвана). Дальнейшее исчезновение этой группы наук с исследовательского горизонта, а значит и окончательная дегуманитаризация образования, его полная утилитаризация теперь становится делом логики, а не чьего бы то ни было коварного желания.

Позитивистская парадигма, узурпировавшая исключительное право на научную деятельность, не удовлетворяясь только последней, стремится подчинить себе и область, изначально обусловливаемую религиозными (или философскими) представлениями – мировоззренческую, тем самым незаметно для себя превращаясь в *квази-религию – сциентизм*. Хорошо об этом сказано у В.В. Зеньковского: подлинная наука всегда достаточно скромна и совсем не претендует на доступность для нее всех тайн бытия – «на это претендуют такие построения, как материализм, позитивизм, эволюционизм и т.д. Но надо очень ясно сознать различие между наукой в точном смысле этого слова – и этими построениями, которые порождены вовсе не наукой, *которая в них и неповинна*, – они порождаются вненаучными мотивами, в частности запросами религиозного порядка, – ибо там, где выдвигают какой-либо абсолютный принцип, *там мы имеем дело уже с религией*. В этом смысле даже последовательный материализм есть некое “вероучение”, ибо материя в нем трактуется как нечто абсолютное... Это есть типичное *абсолютирование* текущего, относительного бытия, – совершенно не связанное ни с какими фактами, наблюдениями природы. Смысл такого рода абсолютирования относительного бытия будет, однако, для нас более прозрачным, если мы обратим внимание на то, что оно *становится на место религиозного восприятия мира*» [2, с. 416-417].

Лица, ответственные сегодня за определение российской образовательной политики, исходят, по всей видимости, из узкопрофессионального («компетентностного») понимания образования, ограничивают его позитивистским представлением о «знании, как», т. е. о сугубо ремесленном (техническом) знании (в платоновской

классификации). Между тем неврдно было бы реформаторам российской образовательной системы перечитать отечественных классических мыслителей (например, Ф.М. Достоевского), услышать их и постараться понять: «Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотелей. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли» [3, с. 312]. Мы же все нескончаемо спорим – нужно ли гуманитарное образование инженерам и техникам? А нужно человеку мыслить самостоятельно? Даже если он инженер? Но без гуманитарной подготовки ни о каком самостоятельном мышлении говорить не приходится, без нее инженер не станет изобретателем. Откуда же возьмутся искомые нами инновации? Снова, как при Петре, из-за границы? Немецкая слобода перемещается в Сколково? Быть может, это действительно единственный эффективный способ возрождения науки, только отличается он от петровского: преобразователь звал немцев, чтобы научить своих, мы же почти демонтировали свое совсем неплохое образование, и теперь зовем «немцев». Только вот захотят ли они учить нас в эпоху глобализации, когда борьба за существование народов, за их «место под солнцем» при ресурсной ограниченности многократно усилилась?

Отметим очень важный факт: дегуманитаризации российского образования предшествовала его *деидеологизация* (кажется, точно так обстояло дело и в западных государствах, которые тоже сегодня не могут похвастаться большими успехами в гуманитарно-образовательной области). У многих в памяти остается постперестроечное гонение на идеологию вообще, то есть не на какую-то конкретную идеологию, в частности – долгое время определявшую бытие нашей страны коммунистическую, а на идеологию как общее понятие. Особенно не утруждаясь поисками подтверждений в частностях и удовлетворяясь наличием в истории только двух конкретных тоталитарных идеологий (в дополнение к уже указанной еще и идеологии фашизма), тогда индуктивно умозаключали о негативности всякой идеологии, при этом мало кто обращал внимание на существенное понятийное различие идеологии вообще (как системы жизненных смыслов, обуславливающих ценностное измерение и определяющих цели социального развития, без которой невозможно представить конкретно-исторические общности) и тоталитарной идеологии, без всяких сомнений экстраполируя видовые характеристики на родовые. И это явное заблуждение привело к тому, что,

вытолкнув одну тоталитарную идеологию за двери, мы не заметили, как через окно в наш общий дом тихо проникла другая, не менее страшная.

Сциентизм страшен не как внутренний для научного сообщества феномен, а как вера, абсолютирующая претензии человеческого знания на преобразование действительности, как мировоззрение, как тоталитарная идеология, притязающая на сугубо рационалистическое объяснение всего – экономики, политики, самого человека и его свободы (современное либертарианство и развилось из этих притязаний). Сциентизм отрекается от мудрости тысячелетий, гипертрофируя возможности современной науки, им движет слепота самовлюбленного индивидуализма, провозгласившего незыблемость антропоцентристских аксиом в познании (мыслях, словах) и действии, и обуславливающаяся этой слепотой юношеская самоуверенность, априорно негативно реагирующая на традиционное, ставящая себя выше всего «родительского», бережно хранимого поколениями предков, и претендующая *на единственно верное понимание действительности* – такой, какой она видится недоучившемуся акселерату, нарастившему мышцы, но не обогатившему себя тяжелым грузом знаний. Просто объявить накопленную мудрость атавистическими предрассудками, исходя из собственного еще не созревшего понимания рациональности, гораздо труднее даются попытки эту мудрость усвоить, что значит – понять и принять.

Однако мудрость не так легко спрятать на задворках современной цивилизации, сделав вид, что ее как бы и нет, этому мешает философская интенция, укорененная в глубинах человеческого сознания и с неумолимым постоянством пробивающаяся из чувственного «дольнего» наружу, к созерцанию «горнего». Совсем не случайно «созерцание» (теория) и «Бог» в греческом языке являются однокоренными словами. Невозможно построить никакую теорию на одних только рационалистических основаниях, как невозможно разуму охватить бесконечность, заключив ее в рамках логической дефиниции. Даже геометрическое знание нуждается в аксиомах, очевидных, но принципиально недоказуемых.

Поэтому совсем неудивительно то, что философский рационализм, незаконнорожденное дитя Нового Времени, презревшее родительскую мудрую веру, сегодня опровергает сам себя даже в аналитической философии (когда-то тесными узами связанной с логическим позитивизмом), пересмотревшей прежние критерии рацио-

нальности и признавшей, что они применимы достаточно широко, в том числе и к религиозному знанию. В рационалистическом аспекте, к примеру, теистическое мировоззрение так же оправдывается, как и натуралистическое (в религиозных терминах – пантеистическое), ищущее «начала» в самой природе, и новомодное «творчески-антиреалистическое», идолизирующее человека и предписывающее ему свойство «мировой причины». Тогда, исходя из каких аргументов, мы должны предпочитать одни мировоззрения, возводя их в ранг «научных» и игнорировать другие, если во всех них рациональные элементы с необходимостью фундируются иррациональной верой? Только ли из «новомодности»? Но моды преходящи, а мудрость вечна. И почему теист должен непременно обосновывать рационалистически для атеолога свою веру (что принципиально невозможно), а последний от подобной обязанности освобождается? Казалось бы, все должно быть наоборот, ведь за плечами теиста – опыт тысячелетий, чего не скажешь об атеисте или агностике, диктующих правила ведения философского дискурса.

Между тем, как справедливо утверждает А. Плантинга, современный философ «имеет полное право начинать с веры в Бога. Он имеет право в своей философской работе принимать эту веру, считать ее само собой разумеющейся независимо от того, сможет ли он убедить при этом своих неверующих коллег в том, что это верование истинно... у христианского философа есть дела поважнее и другие вопросы для обдумывания. Разумеется, он должен прислушиваться, понимать и черпать знания из большого философского сообщества, он должен занять свое место в нем, но его забота как философа не ограничивается тем, что скептик или кто-то иной из философского мира думает о теизме. Обоснование или попытка обосновать теистическую веру перед лицом большого философского сообщества – не единственная задача, ...возможно, она и не принадлежит к главным. Философия – это коллективное предприятие» [4, с. 482-483].

Действительно, не слишком ли долго философия дистанцируется от мудрости, накопленной далеко не самыми глупыми представителями человечества, считавшими долгом собственным духовным опытом и разумом засвидетельствовать истины, конституирующие познавательную деятельность, целью и смыслом которой является определение *жизненного пути человека*, и не пора ли философам снова полюбить мудрость, как это и планировалось в

самом начале? И тогда, как следствие, образовательная политика современных государств может изменить свой деструктивный, человекоразрушительный курс.

Список литературы

1. Выступление Президента РФ на форуме ОНФ «Качественное образование во имя страны», Пенза, 15 октября 2014 г. // <http://www.politonline.ru/comments/22878748.html>.

2. Зеньковский В. В. Наша эпоха / В. В. Зеньковский // Собрание сочинений: в 2-х тт. Москва: Русский путь, 2008. Т. 2. 526 с.

3. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860-1881 гг. Москва: Наука, 1971. 728 с.

4. Плантинга А. Совет христианским философам /А. Плантинги // Аналитический теист: антология. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 568 с.

УДК 37.01:316.444

А.Г. Кислов
A.G. Kislov

О роли гуманитарного образования в условиях роста социально-профессиональной мобильности*

On the role of liberal education in the face of rising social and occupational mobility

Аннотация. Обесценение труда и работника способствует легковесному отношению последнего и к процессу, и к результату своей работы, а потому и готовности к постоянному перемещению внутри социально-профессиональной структуры. Идеал праздности вытесняет идеалы профессионального призвания, мастерства. Но и «праздный класс» становится вынужденно мобильным: персонифицируемый им капитал требует роста производительного, а не растратного потребления. Производительное же потребление требует образованности, при культуроёмком производительном потреблении – гуманитарной образованности.

*При финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания по проведению научного исследования «Разработка и апробация методологии изучения и анализ социального портрета и ценностных ориентаций мастера производственного обучения»